

СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

(Повесть)

Она будто очнулась ото сна, услышав резкий скрежет затормозившего автомобиля и грубый мужской голос:

- Ты что, слепая?

Только теперь она увидела мужчину, который выскочил из "Москвич"а и сверлил ее гневным взглядом. А вокруг уже собралась толпа. Осознав свою вину, не находя, что сказать в оправдание, она от стыда покраснела до корней волос.

- Видно, шла в раздумьях несчастная, - сказал участливо кто-то из толпы.

- Слепла ты что ли? - никак не мог успокоиться водитель. Но Талиха уже ничего не слышала. Все потонуло для нее в густом тумане.

...Пожилой водитель сидел подле нее. Он с тревогой вглядывался в ее лицо. Талиха вдруг почувствовала нестерпимую боль. Казалось, будто кто-то колотил ее по голове тупым предметом...

- Что это со мной? - поморщилась она, открывая глаза.

- К счастью, все хорошо для тебя обошлось, - подсела к ней на койку симпатичная девушка в белом халате. "Врач, - подумала Талиха, - значит, меня уложили в больницу". А девушка продолжала:

- Только легкое сотрясение. Недельку отлежитесь, оправитесь.

Девушка кивнула водителю указав на Талиху и встала. Она вышла из палаты. Талиха успела перехватить ее многозначительный взгляд. Ее разозлило такое поведение врача. Между тем, водитель заговорил вкрадчивым голосом:

- Сестрица, я - беженец, с трудом содержу свою семью, целый год был безработным. Наконец-то сумел устроиться. А теперь мне нести ответственность из-за тебя... Ну, что было, то было. Отпусти меня с миром, заклинаю тебя.

Талиха, недоумевая, спросила:

- Разве я держу тебя? Не пойму, что тебе нужно?

- Сейчас придет следователь, будет вопросы задавать.

Скажешь ему, что ты переходила улицу на красный свет. Вот и все. Договорились?

- Хорошо, - отрезала она. Этот неотесанный широколицый человек действовал ей на нервы. Не в состоянии ни говорить, ни шевельнуться, она только и ждала, чтобы он оставил ее в покое. Сознание было затуманено, мысли мешались.

- А теперь уходите, я устала, - ее голос был едва слышен.

Водитель ушел. Пожилая женщина, лежавшая на койке справа, решила вдруг, что может выразить ей свое сочувствие:

- Э-эх, доченька, будь у тебя счастье, наехал бы на тебя бизнесмен. По крайней мере, потихоньку вызволил бы тебя из нужды.

Она участливо взглянула на бледное лицо Талихи:

- Теперь тебя так допрашивать станут, что про всю свою боль позабудешь. Пожалеешь о том, что осталась жива.

- А с вами-то что?

- Меня сбила машина. Как и тебя. Вот уже месяц, как допекают расспросами.

Талиха и не заметила, как натянула обувь, сняла с вешалки и надела пальто. Пройдя по длинному полутемному коридору, она спустилась по лестницам. Голова раскалывалась от боли, но не это теперь ее занимало. Ей было не по себе оттого, что Талеху и дочерям не известно, куда она запропастилась, переживают из-за нее. К тому же эта усталость...

Ей так хотелось передохнуть... Положить голову на подушку и тут же заснуть - вот чего ей больше всего хотелось. Но такое было с ней впервые, ее не тянуло домой. Ноги вели не туда. А куда - и сама не знала.

Прошло уже пять часов, как Талиха вышла из дому. Она все плутала по улицам. Встретит скамейку - сядет, но усидеть и пяти минут не может. Вставала и семенила торопливым шагом, будто куда-то спешила. Сколько раз она уже пересекала одни и те же улицы, ступала по одним и тем же тротуарам. Ее угнетало чувство глубокой обиды, собственной слабости,

беспомощности. "Я, как старуха, потерявшая сверток с последними сбережениями", - думала она про себя. В кошельке у нее оставалось всего 20 гяпик. "Вот и все богатство - хватит на один проезд в метро". Эти грустные мысли изматывали ее не меньше, чем физическая усталость. Она горько усмехнулась в душе, вспомнив поговорку: не в деньгах счастье.

* * *

В последнее время жизнь для нее стала непомерным грузом, обернулась тяжелыми страданиями. Будто навсегда было утрачено все, что могло ее порадовать, дать ей во всей полноте ощутить чувства любви и счастья. Казалось, такого никогда и не было в ее жизни. Чем бы она ни занималась, как бы ни пыталась забыться, все было напрасно, никак не удавалось отделаться от одолевавших ее грустных раздумий. Ей ни с кем не хотелось делиться своими печальями. Ни с друзьями, ни с родственниками давно уже не виделась. Знала, что никто ей не поможет. Да и дома как-то не ладилась отношения с мужем и дочерьми. Ее будто подменили - ничего не осталось от прежней мягкости, выдержанности и спокойствия. Она часто раздражалась из-за любой мелочи, из-за каждого слова.

У нее вошло в привычку часами оставаться в спальне, предаваясь глубоким раздумьям. Она все перебирала в уме горечь постигшего их вдруг несчастья (да, несчастья, как же назвать это по иному?), пыталась для себя уяснить, отчего же произошло с ними такое, искала выход из сложившегося положения. Так и плутала в лабиринте своих раздумий. Ее душили слезы беспомощности: "В чьей же власти - спасенье от этой напасти?". Поплачет, поплачет, оставшись наедине со своими горькими думами, - и рука невольно тянется к ручке. Она начинала писать - страницу за страницей.

Талиха сама и была прототипом своей героини. Поэтому писалось ей легко. Она поверяла бумаге собственные мысли и чувства, печальные раздумья о превратностях своей судьбы, неурядицах, которые пришлось пережить. Только это и

приносило ей какое-то облегчение, словно возвращалась в свое русло река, вышедшая из берегов.

Она писала на любой бумаге, что попадет под руку. Это были и листы из школьных тетрадей дочерей, использованные наполовину, и чистая оборотная сторона листов с настольного календаря, и поля старых газет. Дело было в том, что дома давно уже закончился запас писчей бумаги. Прежде она приносила ее с работы. Но в последний год и в самой редакции испытывали бумажный голод. Писали и на обороте листов. Весь коллектив был вынужден перейти на режим экономии. А Талиха стала экономить бумагу даже вдвойне и втройне. Обычно она писала торопливо и размашисто, но не особенно разборчиво, редактируя и переписывая написанное по несколько раз. А теперь почерк у нее стал мелким, текст - обдуманным, а каждое слово - точно подобранным, чтобы не изводить бумагу на переписывание. Только вот уже и не до экономии стало - дома она исписала все, что для этого годилось.

Ужасен был и тот день, когда Талихе вдруг нечем стало писать. Она не знала, что делать. Паста в обычных шариковых ручках вышла, а перьевыми и карандашами она не любила пользоваться - это рассеивало мысли. Талиха и не хотела посягать на ручки Талеха и дочерей. Ведь она за один присест исписывала по 30-40 страниц - пасты не напасть. Поэтому каждый раз ей приходилось покупать по 10-20 шариковых ручек. Друзья, знакомые часто дарили ей на дни рождения и праздники ручки. Они знали, что такой подарок очень ей по душе. Да и Талех всегда покупал для нее ручки. Поэтому недостатка в них она никогда не испытывала. Впервые Талихе стало нечем писать.

Она что-то решила про себя и вышла из дому. В последний раз Талех покупал для нее пять ручек по 20 гяпиков за штуку. Ей пришло в голову, что за один манат она может приобрести такое же количество ручек. Но во всех киосках их продавали по 30.

После целого часа безрезультатных поисков она направи-

лась в то место, про которое говорил ей муж - к подземному переходу на станции метро "Гянджлик". В толчее стала спрашивать ручки у мелких торговцев. Как назло, мальчишек, которые вечно здесь торговали ручками и след простыл. Она только было решилась приобрести их по 30, как увидела старика предлагающего стержни для шариковых ручек: пара за 10 копеек. Талиха проверила их "на роспись".

- Дочь моя, ты будто золото покупаешь, - сказал старик. Талихе стало как-то неловко. Она оглянулась, не слышит ли кто, и, чтобы оправиться от смущения, соврала:

- Мне здесь как-то подсунули "запасок" с подкрашенной водичкой вместо пасты, вот и приходится проверять.

- Я верующий, дочь моя, мне не пристало обманывать людей.

Старик был так искренен, что Талиха промолчала в ответ и купила у него десять стержней. Она была довольна своей покупкой: "Месяца два мне будет чем писать". Это была радость с оттенком печали.

Такую же радость ей суждено было испытать и вечером. На полке в подвале она обнаружила толстую стопку плакатов. Это была память о парламентских выборах: на листах мелованной бумаги - портрет председателя партии, членом которой год назад стал и Талех. Председатель, видно, не нуждался в деньгах, имел большие возможности. Он заказал свои плакаты столь большим тиражом, что Талех не успел до начала выборов расклеить их всех по городу. Оставшуюся увесистую пачку он и забросил в подвал.

Талиха прикинула, что из одного плаката выйдет шесть листов стандартного формата писчей бумаги. Она по одному аккуратно разрезала все плакаты ножом. Ей словно полегчало.

* * *

Вот уже полгода, как Талиха оставалась без работы. Ей, привыкшей весь день проводить в стенах государственного учреждения, было как-то не привычно долго отсиживаться

дома. Из-за материальных трудностей закрылась газета, в которой она проработала не один год. Сорок сотрудников редакции пополнили ряды армии безработных.

Талиха с юности работала в газете. Иного для себя и представить не могла. Каждый материал за ее подписью вызывал интерес читателей. Она дорожила своим журналистским именем. Работа в редакции помогла Талихе также и в смежной профессии. Ее знали как автора десятка книг. Газета стала для нее своего рода творческой лабораторией. Она часто засиживалась за рабочим столом, пытаясь проникнуться мыслями и чувствами своих персонажей, переживая все, что писала о них. Закрытие газеты для нее стало тяжелым ударом.

Собственно, в последний год, как и все в коллективе, она знала, что недалек день, когда газета перестанет выходить. В редакции давно уже не выдавали заработную плату. Ежедневное издание, которое некогда имело до ста тысяч подписчиков, теперь выходило раз в неделю или в декаду. Оно уже не окупало себя. Но несмотря ни на что, все как один продолжали выходить на работу. В душе у каждого тлел огонек надежды, что трудные дни все же минуют. Глядишь, и придет конец удручающему затишью в стенах редакции, по-прежнему здесь закипит жизнь. Но время шло, недели растягивались в месяцы, а долгожданный день никак не наступал.

Как-то редактор созвал всех сотрудников и объявил, что газета перестает выходить, ее материальные возможности упали до... нуля. Он сказал об этом нехотя, с горечью.

Это был день, который опрокинул надежды всего коллектива. В жизни у Талихи не было более грустного, более печального и тяжелого дня. Он разбил все ее мечты. Она была, что садовник, у которого все деревья вырвало с корнем жестоким ураганом. Хотя и прошло с тех пор уже немало времени, день тот не выходил у нее из головы.

Она все еще пребывала во власти пережитой тогда горе-

чи и боли. Поначалу ей казалось, что без работы она не останется. В условиях, когда перестали существовать многие газеты и вместо них выходили десятки новых изданий, когда профессиональных журналистов оттеснили на задний план новички без образования, которых отличала лишь расторопность и необычные, подчас странные подходы к традиционным темам, ей казалось, настанет час и для аналитиков. Для таких, как она сама.

Эти мысли побудили ее испытать свое счастье. В течение недели она наведывалась в редакции всех известных ей газет. Ее всюду встречали с большим уважением, вспоминали про ее публикации, отмечали их высокий профессиональный уровень, заявляли, что нуждаются в таких журналистах, как она, и в заключение добавляли с искренним, а бывало, и поддельным сочувствием: очень жаль, но нет свободных мест.

Каждый раз Талиха уходила, чувствуя себя униженной и даже оскорбленной. Сама на себя злилась, что роняет свое достоинство, переступает через собственную гордость. Но что ей оставалось делать - чтобы жить, нужно было где-то работать.

Разуверившись в редакциях газет, Талиха решила обратиться в столичные представительства зарубежных фирм и компаний. Она обошла до 30 адресов в надежде, что ее совершенное владение азербайджанским, русским и английским языками принесут свои плоды. Однако эта инициатива, к ее досаде, тоже не принесла никаких результатов. Повсюду на работу требовались только юные девушки, о чем ее уведомляли совершенно откровенно, безо всякого стеснения.

* * *

Каждый день Талиха спозаранок выходила в город и возвращалась домой после полудня, утомленная, усталая. Талех, который видел состояние жены, пытался утешить ее

с присущим ему спокойствием. Казавшийся невозмутимым, он не мог не разделять переживаний супруги. Ему хорошо было известно, что это такое безработица. У него, квалифицированного специалиста в своей области, на счету было несколько значимых изобретений, но в научно-исследовательском институте, где он работал, вот уже более года не выдавали зарплату. Все свое время Талех проводил теперь в какой-то политической партии, в которую вступил. Все его попытки устроиться на другую работу не увенчались успехом, а случайных приработков едва хватало на продукты для семьи.

Общительный и веселый по натуре, он всегда был в окружении друзей. Но за последний год он сильно изменился, стих и сдал. По привычке каждый день навещался к себе на работу, а дома все свое время проводил в уединении за письменным столом. Талиха знала, что муж глубоко переживает из-за своего положения, хотя он и не выказывал этого.

Последние десять лет Талех занимался проблемами опреснения морской воды. Неделями, месяцами пропадал в библиотеке, где из научных книг и журналов подбирал материалы по теме, делал выписки из них. Много времени он проводил также в лаборатории, а придя домой, сразу же садился за стол, корпел над формулами и чертежами. Труды его не оказались напрасными и увенчались достаточно интересным изобретением. Но его разработкой так и не заинтересовались, не придав ей особого значения. Постучавшись не в одни двери, обратившись в целый ряд учреждений, Талех так ничего и не добился и махнул на все рукой. Смирился и пал духом. После длительного перерыва снова начал курить.

Талиха с болью в сердце взирала на то, как по ночам, когда дети уже засыпали, он уединялся в гостиной, где выкуривал сигарету за сигаретой. А днем его усталые глаза постоянно застилал туман глубоких раздумий. Прежде он делил-

ся с нею всеми своими тревогами, находил в ней понимание и поддержку. А теперь она ушла в себя, отдалилась от него. Ей и самой было нелегко. Вся какая-то издерганная, она стала легковозбудимой, сварливой, любой пустяк выводил ее из себя. Как ни странно, чаще всего именно на Талехе она и срывала свое плохое настроение.

Она и сама понимала, что не права в своих придирках к нему и каждый раз чувствовала себя виноватой перед ним. Но проходило несколько дней, и все повторялось помимо ее воли.

Талиха знала, что это только видимость, будто Талех привык теперь к своему новому образу жизни. Она замечала, что в последнее время им овладело странное безразличие, равнодушие ко всему. Его перестали беспокоить заботы по дому, о детях. Он отошел как-то в сторону, оставив жену наедине с бесчисленными проблемами. Ему будто и дела не было до того, где и на какие деньги покупает она продукты, во что одеты дочери, откуда средства на их карманные расходы. Это злило Талиху, выводило ее из себя. Но ей не хотелось обижать мужа, и она лишь корректно напоминала ему о том, что нужно искать работу, мол, под лежащий камень вода не течет. Но, увы, каждый раз получала один и тот же ответ:

- Думаешь, легко найти работу?..

Такие разговоры приводили к напряженности в их отношениях. Талех, обидевшись, отказывался от еды, часами ни с кем не разговаривал. Она зарекалась, что впредь не допустит ссор. Но ей это не удавалось. Проходило день-два, и начинались все те же разговоры. Доходило до препирательств. Талиха, злая и на себя, и на мужа, уединялась в спальне, а Талех угрюмо занимал свое место в гостиной. Так и сидели они часами - каждый предавался собственным думам.

Мало было того, что Талех остался без работы, теперь эта участь постигла и Талиху. Однажды она поняла, что все ее старания напрасны, ей нигде не устроиться. Пришлось приз-

наться самой себе, что нет уже больше ни сил, ни желания обивать пороги различных учреждений. В какие бы из них она не наведывалась, стиснув зубы, собравшись с духом, раз за разом уходила земля у нее из-под ног, гасли надежды. Но она находила в себе силы и снова пускалась на поиски.

Когда стало ясно, что ей больше не светит стать литературным редактором или корреспондентом, она попыталась найти вакансию корректора. Но и это не удалось - в газетах не было свободных мест.

В день, когда Талиха окончательно осознала бесплодность своих стараний, жизнь вдруг утратила для нее всякий интерес. Она не знала, как теперь быть, что дальше делать... Сбежав из больницы, она все еще продолжала бесцельно бродить по улицам. Мучила тупая головная боль. Силы были на исходе. Талихе казалось, что если остановится, то потеряет равновесие, упадет и больше не сумеет подняться. Прошло еще несколько часов, когда изможденная вконец, она вернулась домой.

Талех, который открыл ей дверь, увидев, до чего она обесилена, обеспокоенно сказал:

- Что это с тобой, ничего не вышло?

Вопрос ее разозлил, она дала волю своим чувствам:

- Может, и тебе поискать работу? Уж лучше потрудились бы что-либо предпринять, чем выражать мне сочувствие.

- Что за муха тебя укусила? - сказал Талех не без обиды.

- Какая уж муха? Я как потерянная. Кручусь, как белка в колесе и все без толку, - ответила она раздраженно, - дома уже шаром покати, а тебе все нипочем.

- Шаром покати? Вот и не ешь!

Грубый ответ мужа еще больше ее распалил:

- Я-то обойдусь без еды, а дети? Хотя бы их пожалей! Вот уже больше недели я не могу подать на стол горячего, на одном твороге сидим.

- А все другие в масле катаются? У некоторых и творога

нет. Скажи, слава Богу, что мы хотя бы его не лишены.

- Мне уже не до чужих бед. Меня бесит, что я вот уже несколько месяцев извожусь в поисках работы, а ты и пальцем не пошевелишь. Не хочешь утруждать себя, ничто тебя не волнует. Будто дом этот чужой для тебя.

- Что же прикажешь мне делать, пойти воровать что ли?

- Можно подумать, все другие способы ты уже испробовал. Я же не говорю тебе, чтобы ты занялся мелкой торговлей, как многие из твоих друзей или родственников. Положим, этому мешает твоя гордость, так что ж ты иной работы не ищешь?

- Ты и сама много искала, а что нашла?

- Ты ведь мужчина, мог бы и в грузчики пойти.

- Хочешь сказать, чтобы я пошел батрачить, стал амбалом? - повысил голос Талех.

- Я хочу, чтобы ты перестал сидеть перед телевизором, закинув ногу на ногу. Чтобы ты вел себя как глава семьи, наконец! Взял бы на себя семейные заботы, осознал чувство ответственности.

Талех с силой стукнул по столу ладонью:

- Хватит, без тебя знаю, что мне делать.

Он прошел в гостиную, хлопнув за собой дверью...

В последнее время его глубоко задевало каждое слово жены. Ему казалось, что ее замечания пропитаны ядом, имеют какой-то подтекст. Ее вовсе не волнует, в каком безвыходном положении он оказался. Она стала черствой, будто сердце у нее окаменело.

Талех был зол на нее, видеть ее не хотел. Готов был бранью обрушить на нее всю свою злость. Но это претило его природе, да к тому же он знал: жена может выдержать многое, но только не ругань. А его так тянуло на грубость. Такого с ним не было никогда. Потом вдруг ему захотелось ударить свою жену. Или разбить всю посуду в доме. Ему казалось, что это его успокоит. Только вместо этого он просто

вышел на балкон. В лицо ударил легкий вечерний ветерок, что немного привело его в чувства. Легче стало дышать.

Талиха легла, чтобы забыться от головной боли и тяжести на сердце. Она смежила веки, прижала подушку к лицу, но никак не могла успокоиться. Нервы все еще были на взводе. Самое ужасное: усилилась боль в голове. Собственно, именно эта боль и явилась причиной срыва. Она пролежала в таком состоянии часа два.

Младшая дочь Айтен, которая вернулась из школы, поцеловала ее и, напевая какую-то мелодию, прошла в ванную. Талиха вдруг вспомнила, что должна была встретиться со знакомым из посольства - переговорить с ним о своем трудоустройстве. В сердце зажглась крохотная искорка надежды. "Может быть, что и получится", - подумала она. Поспешно оделась и, пройдя на кухню, налила себе чаю.

- Куда это ты собралась? - зло спросил Талех, закрыв за собой дверь из кухни на балкон.

- Прогуляться, - ответила в тон Талиха.

- Как ты любишь гулять! Просто как Съюзен.

Съюзен была героиней бесконечного сериала, который он смотрел по телевизору изо дня в день. Талиху задело за живое, что муж сравнил ее с женщиной, по его мнению, легкомысленной. Поэтому она вызывающе ответила:

- Это теперь для меня единственная радость.

- Только попробуй выйти, - в голосе мужа сквозила угроза.

Это вывело Талиху из себя. Каждый раз, когда она говорила ему о его недостатках, он мстил ей тем, что начинал играть роль ревнивого мужа. Ей показалось, что Талех и теперь вошел в эту роль. Но он по натуре был не таким. Поэтому ей стало неприятно как и всякий раз, когда тот примеривался к чуждой для себя роли ревнивца.

Талиха промолчала в ответ на его угрожающее предупреждение. Допив свой чай, она прошла к зеркалу и причесалась. Как только жена начала было обуваться, Талех встал в

дверях:

- Ты что, оглохла? Разве я не сказал, что никуда не пойдешь?

- Что это за тон? Как ты смеешь говорить мне такое? - повысила голос Талиха.

- Я спрашиваю, куда ты идешь, а ты мне в лицо бросаешь, что гулять.

- Что же ты спрашиваешь, если тебе и так прекрасно известно, куда я могу идти.

- Откуда мне знать, к каким чертям ты там собралась.

- Ты это прекрасно знаешь, не нужно притворяться.

- Да ты всякий стыд утратила! - взорвался Талех.

- Что? Что ты сказал? Значит, я стала бесстыжей? Так, что ли? Вместо того, чтобы ты искал работу, это я обхожу за дверью дверь, чтобы хоть где-то устроиться, хоть что-то заработать, а впридачу ты меня называешь бесстыжей?

- Плевать я хотел на твои заработки, сиди лучше в своем чертовом доме! - в бешенстве трясся Талех.

- Не для тебя, а для детей я выбиваюсь из сил, чтобы завтра не стали побираться по улицам.

- Пока что я приношу в дом свою зарплату.

- Несчастный, твоей зарплаты даже на хлеб не хватает. Вот уже год я продаю вещи из дома. На вырученные деньги мы и живем. А теперь уже и продавать нечего. Хотела бы я посмотреть, как ты станешь выкручиваться.

- Ты мне зубы не заговаривай. Лучше скажи, к каким чертям собралась.

Эти слова довели Талиху до белого каления:

- Бессовестный! Бесчестный! Ты еще смеешь ревность изображать?

У нее занемели губы. Заледенели пальцы рук и ног. Ей с трудом удалось удержать равновесие, чтобы не упасть. Она прошла в спальню и захлопнула за собою дверь. Бросилась ничком на кровать и заплакала навзрыд. Слезы принес-

ли успокоение. Будто излилась вся ее злость. Она пролежала некоторое время, презирая и себя, и мужа, ненавидя собственную жизнь. Вдруг вспомнила про что-то, встала, то-ропливо и кое-как привела себя в порядок, вышла из дому. Талех на этот раз не стал ей препятствовать.

Били по асфальту струи бесконечного ливня, отскакивая мутными пенными брызгами. Повсюду образовались лужи. Они были столь глубоки, что не пройти, не перепрыгнуть. Но ей было все равно - ноги уже промокли насквозь. При каждом шаге выдавливалась вода из сапожек с шипением, как из перекипающей кастрюли. Промокшая одежда пристала к телу. Волосы слиплись в пряди. Дождь все бил и бил ей в лицо. Но она ничего не замечала. Между тем, поднялся ветер, струи ливня превратились в жгуты. Талиха только одно и понимала, что шагает по улицам, но она не была в состоянии осознать, куда и зачем идет. Она не злилась на дождь, он ее не раздражал. Наоборот, этот ливень был для нее по-своему спасителен. Он смывал катившиеся по ее щекам слезы, будто не хотел, чтобы ей было неловко перед идущими на встречу прохожими. А слезы все лились и лились, бесконечные, как дождь.

Она не помнила, сколько времени прошагала по улицам, не знала, куда направляется. Одно только ей было ясно - этому длинному пути пока что не видно конца - пути страданий и мук. Но она осознавала и то, что он спасителен для нее. Есть этот путь, и оттого она держится на ногах, куда-то идет. Этот путь не давал ей упасть.

В сердце бушевала буря. Как о берега билась бешеными, жестокими волнами, будто хотела умерить свой гнев и ярость. Сердце, казалось, готово вырваться наружу, его стук звоном отдавался в ушах. Это обессиливало Талиху. Ей все трудней и трудней удавался каждый шаг. А она все шла и шла. Из глубины ее души рвался крик отчаянья. Так хотелось заплакать навзрыд. В слезах изливалось наружу все,

что подрывало ей дух, тревожило чувства. Нет, не сломить ее воли. Но в ушах продолжали отдаваться слова отказа, который она получила, казалось, в последнем пристанище своей надежды - в посольстве.

Талиха и не заметила, как и когда оказалась в приморском парке. Ноги привели ее сюда сами. Остались позади высотное здание бывшей гостиницы "Москва", Аллея шехидов, старинное здание Кабинета министров, Музей искусств, где она так любила бывать. Она чудом не угодила под машину на переходе у круга на площади Азнефть. Вот и набережная. Было безлюдно на полутемных аллеях. Она облюбовала место поближе к морю и присела на мокрой скамейке. Вокруг - ни души. Талиха всхлипнула, вся сжавшись в комок и дрожа, как озябший воробушек. Вой ветра, шум дождя и рокот моря заглушали ее рыдания.

Сколько времени она так просидела на скамейке под зелеными оливковыми деревьями в этот ненастный вечер? Талиха не отдавала себе отчета. Собственно, в своем состоянии и подумать не могла об этом. Ей казалось, что не она выплакивала в одиночестве свои чувства отчаянья и безысходности.

- Сестра, ступай домой!

Над нею склонился пожилой мужчина. Талиха слышала его голоса, и не могла понять, что ему нужно от нее. Этот человек, возникший будто из ниоткуда, не вызывал у нее никакого страха. Может, оттого, что взгляд у него был грустный и добрый? Нет, она и не думала об этом, не в состоянии была думать. А мужчина все говорил ей что-то...

Незнакомец исчез также незаметно, как и появился. Она плакала и плакала, удивляясь тому, откуда у нее берется столько слез. Снова появился перед ней все тот же незнакомый мужчина. На этот раз она, кажется, услышала его голос:

- Сестра, пожалей себя, так и заболеть недолго.

В глазах у него сквозила печаль. Всем своим обликом он располагал к себе. Вдруг ей захотелось поведать ему, незнакомому человеку о своих горестях. Как же давно она ни перед кем не открывалась, а в душе накопилось так много печали и горечи. С друзьями и близкими не поделиться, Талиха вот уже с год не общается с ними. Да и они перестали навещать ее. Все заняты выживанием, у всех одна забота - не оказаться на грани нищеты. Эта забота - общая для многих, встала стеной отчуждения между людьми.

Талихе никогда не было так одиноко. Ей просто не терпелось поделиться своими горестями с первым встречным. Тот смотрел на нее с пониманием:

- По плачь, сестра, поплачь, излей всю свою боль. Поплачь, сколько можешь, не то заболеешь.

Талиха подняла на него благодарный взгляд. Она перестала плакать, слезы высохли будто сами собой.

- У тебя большое горе ? - спросил участливо незнакомец.

- Большое.

- Ты потеряла близкого человека?

От этих слов ее бросило в холод. Она представила самых близких для нее людей: Айгюн, Айтен, Талех... Представила, что потеряла кого-нибудь из них. Эта мысль ужаснула ее.

- Нет, нет, я никого не потеряла, - сказала она встревоженно.

- Так, значит, и горя у тебя нет. Просто трудность какая, наверное, а трудности можно преодолеть.

Было что-то странное в том, что незнакомец, с которым она успела перекинуться лишь парой слов, вызывал такое глубокое доверие. Но, тем не менее, это было именно так. Ей хотелось продолжить с ним разговор, поведать ему обо всем, что ее волнует и тревожит.

- Садитесь, - Талиха показала ему место рядом с собой. Когда тот сел, она заметила, какое усталое у него лицо. Как знать, подумалось ей, может быть, его гложет горе. Она уже

не думала про то, из-за чего оказалась вдруг на набережной. Ее заинтересовало другое - что же заставило этого пожилого человека бродить в одиночестве у моря под проливным дождем? Ей стало неловко от того, что хотела навязать ему свои горести. Она спросила:

- Что с вами?

- Сегодня годовщина смерти моей жены.

- Примите мои соболезнования. Видно, она была хорошим человеком.

- Что и говорить, мне ее очень не хватает.

- Значит, жили в мире и согласии.

- Конечно.

- А дети у вас есть?

- Трое сыновей. Но они - одно, а жена - совсем другое. Я остался одиноким на старости лет.

- А сыновья вас оставили?

- Нет, не оставили. Они самостоятельно живут. Невестки приходят убираться у меня в квартире, стирают, готовят. Но никто не заменит мне моей жены. Когда она умерла, я понял, что жизнь для меня станет мукой. У всех есть свой дом, теплый очаг, а мне суждено холодное одиночество. Я просто осиротел.

В глазах у него застыли слезы. Он посмотрел на Талиху долгим внимательным взглядом:

- А что случилось с тобою ?

Перед его горем своя собственная боль показалась ей настолько ничтожной, что она сочла неуместным говорить о ней:

- Да ничего такого.

Мужчина вздохнул:

- В жизни все поправимо, кроме смерти, - а потом добавил, - наверное, дома тебя заждались, беспокоятся. Вставай, а то еще простудишься здесь.

Он сказал это так, что Талиха не смогла послушаться и встала. Ей хотелось хоть что-то сказать ему в утешенье, но не наш-

ла слов и просто попрощалась. Отдалившись, она обернулась. Мужчина провожал ее взглядом. Она взглянула на свои часы - без четверти двенадцать. Пересекла улицу и через старинный парк и направилась к станции метро "Баку Совети".

...На ее звонок вышли все.

- Где тебя носило среди ночи? - сердито спросил Талех как бы в продолжение состоявшегося между ними днем неприятного разговора. Но по лицам девочек понял, как они беспокоились за мать. Невольно выдал, что и сам переживал:

- Что-то случилось?

- А что могло случиться?

Голос ее был так спокоен, что ни дети, ни муж больше не задавали ей никаких вопросов. Айгюн и Айтен помогли ей переодеться в сухую одежду. Потом Айтен прижалась к ней и сказала чуть ли не плача:

- Ма, милая, не пугай нас...

Талиха поцеловала ее:

- Я так устала... Пойду спать.

...Талеха, который задремал перед телевизором, разбудили стоны из спальни. Передачи уже закончились. Светился пустой экран. Стрелки настенных часов показывали половину третьего. Он снова услышал стон. Понял, что это Талиха. Он быстро прошел в спальню - жена в забытьи металась в постели. Она пыталась что-то оторвать от своей шеи. "Видно, опять змея снится", - подумал он, вспомнив про ее кошмары. Положив ладонь ей на лоб, опасаясь разбудить ее, он зашептал:

- Талиха, не бойся, я задушил змею. Спи спокойно, я сейчас пойду и закопаю ее. Слышишь, не бойся, больше ей не коснуться тебя.

Талиха раскрыла глаза, взглянула на него и тут же заснула. На этот раз - глубоким, спокойным сном. Талех проникся жалостью к жене, которую в последнее время часто мучил этот кошмар со змеей. Он постоял над нею,

глядя на ее исхудавшее нежное лицо с запавшими ямочками на щеках. У нее и во сне были насуплены брови и наморщен лоб.

Она как-то по-детски смяла рукой ворот старой, застиранной ночной рубашки. Талех со сжавшимся от боли сердцем все всматривался и всматривался в родные для него черты. Никогда еще Талиха не казалась ему такой уязвимой и беззащитной. Он корил себя за свое грубое обращение с ней. Это было очень жестоко с его стороны - обидеть ее. Спящая, она походила на обиженную девочку. Как бы извиняясь перед ней, он осторожно погладил ей волосы. Коснувшись подушки, он вздрогнул - она была мокрая. Ему стало не по себе: "Слезы... сколько она проплакала? А я все сидел перед телевизором." Так и стоял он, задумавшись, опечаленный тем, что в последнее время все у них с Талихой как-то пошло наперекосяк.

Казалось, жизнь испытывала их чувства на стойкость своими неурядицами. Неужто им не по силам этот экзамен? Вспомнилось, как дружно они преодолевали все трудности. Ему было очень горько осознавать свою вину в том, что теперь между ними возникла холодная отчужденность. Сердце кольнуло острой болью от чувства одиночества и потерянности. Он бы заплакал как дитя, но не мог. Ему и не вспомнить, когда плакал в последний раз. Кажется, вообще этого не умел. А говорят, что слезы помогают. Хорошо, что хоть у Талихи глаза на мокром месте.

Он все вглядывался в лицо забывшейся сном жены. Обнять бы ее, приласкать-приголубить. Или просто прижаться к ней и помолчать, пока у обоих на сердце не воцарится спокойствие. Отчего же он этого не делал, не мог сделать? Талех этого не знал. Только было нечто незримое и безымянное, что все больше отдаляло его от жены и детей. Это нечто было горькой отравой и для него, и для его семьи.

* * *

Талиха почувствовала, что дочь уже оделась и готовится выйти из дому. Но она не в силах была подняться с постели. Все тело пронизывала слабость.

- Айтен, ты позавтракала?- услышала девочка голос матери.

- Да, мама.

- Точно?

- Точно, мама.

- Деньги лежат на полке перед зеркалом. Возьми.

- Хорошо.

Талиха не услышала, как Айтен закрыла за собой дверь. Ее вновь одолел сон. Когда она проснулась, было уже 10 часов. Вспомнила, что так и не заперла входную дверь. Проходя к ней, она увидела оставленные перед зеркалом деньги. Дочь их не взяла. "Опять пошла в школу пешком", - с горечью подумала она. Вот уже несколько дней никто не притрагивался к этим деньгам. На кухне Талиха проверила чайник - он был холодным: "Значит, Айтен опять ушла, не позавтракав". В сердцах упрекнула себя: соня, не проводила девочку в школу. Она знала, что старшая дочь, как и Талех, не любила завтракать. А вот Айтен, ее толстушка Айтен, голода не переносила. Раньше через каждые два-три часа она открывала дома холодильник и доставала чего-нибудь поесть: на аппетит она никогда не жаловалась.

Но вот уже более месяца девочка обходилась без завтрака. Когда ей дома выговаривали за это, она отшучивалась: "Дайте же мне похудеть". В школу ходила пешком, чтобы не было лишних расходов. Прежде к такому ее было бы и не принудить - расстояние все же немалое. А теперь, будто и не замечала, что приходится тратить по полчаса на пеший путь - туда и обратно.

Талиха застыла перед зеркалом. Нет, она не прихорашивалась, а все смотрела на эти несчастные деньги. Сердце пронзило болью обиды на жизнь. Чтобы не расплакаться вновь,

она взялась за уборку в доме. Вскоре почувствовала, что проголодалась. Заглянула на кухню и поставила чайник на огонь. Открыла холодильник - в нем не было ничего, кроме кусочка масла и початой баночки джема. К маслу вот уже несколько дней никто не притрагивался. Талиха перетрясла коробки для сыпучих продуктов: все они были пусты. Хотела пошарить и в холодильнике на балконе, но вспомнила, что его пришлось отключить еще несколько месяцев назад. А было время, когда им не хватало и двух холодильников, она мечтала о третьем. Но вот, кажется, пришло время отключить и этот единственный. В корзине обнаружилось несколько картофелин и луковиц. "Сварю картошки", - подумала она. До зарплаты Талеха оставалось еще три дня. Как-то нужно будет обойтись. Муж говорил, что в кармане у него осталось всего полтора маната. Это на три хлеба - всего на один день.

Запахнул чайник на газовой плите. Вскипевшая вода, вместе с паром вырываясь из-под его крышки, закапала на пол. А Талиха так и сидела за кухонным столом, обхватив голову руками. Все размышляла. Вдруг заметила, что вода, которая выплескивалась из чайника под плиту, добралась до ножек стола. Она быстро набросила на лужицу половую тряпку, выключила огонь и начала заваривать чай. Вскоре маленькая кухня наполнилась запахом скипевшей заварки. "Это хорошо, что чай получился крепким, утолит чувство голода", - горько усмехнулась она. Достала из холодильника масло и джем - уж очень проголодалась, во рту и маковой росинки не было со вчерашнего дня. Но как только вспомнила, что муж и дети вышли из дому не позавтракав, у нее пропал аппетит.

Выпив свой чай без сахара, она прошла в гостиную и включила телевизор. Крутили рекламный ролик: разнообразные блюда, сладости. А дальше рекламировали корм для кошек и собак. Раздосадовавшись, она переключила каналы, - ничего интересного.

Душа ни к чему не лежала. У нее кружилась голова. Видно,

давало знать о себе пережитое сотрясение. Дома она промолчала об этом - зачем огорчать близких? Им и так нелегко. Она прилегла на диване. Увидев свое отражение в витрине серванта, поразилась: исхудалое лицо с резко выступающими скулами. Девичье лицо, в точности как в ее студенческие годы. В ту пору она тоже испытывала нужду и была такой же беспомощной, как и теперь. Правда, не была такою несчастной, жила мечтами, с верой в будущее. Тогда она была молодой, красивой, талантливой. Жизнь для нее только начиналась. Она была свободна. А теперь и передохнуть не могла из-за забот о детях, бесчисленных житейских проблем.

За последний год семья совсем обеднела. Правда, была и радость - Айгюн поступила в Политехнический Институт. Но и здесь не обходилось для Талихи без печали. Дочь не могла одеваться по моде, как ровесницы. Хотя не подавала и виду, что это ее волнует. Талиха видела, что все свое время дочь посвящает занятиям. Только бы радоваться матери, а ей все казалось, что девочка это делает неспроста, хочет забыться, не думать о нужде. Ведь она даже не может позволить себе вместе с другими посидеть в кафе. А приодеться? Талиха даже опасалась порой, что вдруг ее девочку начнут принимать за "синий чулок". А что если нужда толкнет ее... Лучше уж не думать о таком, - гнала от себя тяжелые мысли Талиха.

Айтен училась в девятом классе. Не в пример старшей сестре была живой, общительной, любила красивые наряды. Но и она никогда не просила купить ей что-то из одежды. Не считала зазорным донашивать платья старшей сестры.

Талихе повезло с дочерьми. Они ее боготворили. Прежде во всем считался с нею и Талех. В семье всегда царили мир и согласие. В доме бывало весело, шумно, кипела жизнь. Станным казалось наступившее теперь затишье. Талех поздно приходил домой и часами засиживался в одиночестве перед телевизором в гостиной. Дочери занимались у себя в комнате, а Талиха возилась на кухне или же углублялась в

писанину в спальне.

Талиха снова глянула на свое отражение в серванте. Раньше в этом стекле трудно было бы разглядеть свое лицо из-за расставленных на полках фарфоровых сервизов и хрусталя. Теперь сервант опустел - все было распродано. Она тяжело вздохнула, вспомнив, что годами собирала эти прекрасные сервизы и вазы на приданое для своих дочерей.

Каждый раз, нуждаясь в деньгах, Талиха обращалась к соседке Амине. Та была перекупщицей. Во всем квартале хорошо знали эту женщину. При своем образовании в 7 классов она глубоко усвоила главный секрет наживы - купить за дешево, продать подороже. Она славилась еще и тем, что густо румянила щеки и безвкусно одевалась. Ее не любили за скандальный характер. Что ни день, она умудрялась повздорить с кем-нибудь из соседей. У нее была дурная привычка - выбрасывать мусор с балкона во двор. Вот уже столько лет никто не мог отучить ее от этого. Не помогали ни уговоры, ни требования, ни угрозы.

Конечно, прежде всего Амина была обязана своей славой благодаря торговле драгоценностями, хрусталем и фарфором. Раньше ей приходилось заниматься этим делом нелегально. А теперь надобность в такой конспирации отпала. Они с мужем открыли в центре города магазин, который приносил им неплохой доход.

Талиха, столкнувшись с нуждой, продавала Амине вещи за полцены. Что же ей было делать, если иного выхода, чтобы сводить концы с концами, не оставалось?

...В дверь позвонили. "Кто это в такое время?" - подумала Талиха. Посмотрела в глазок: это была ее подруга Адиля. Позвонив еще несколько раз, она постучалась в дверь к соседям напротив. Ей открыла Марал. Талиха, мучаясь угрызениями совести, прислушалась к их разговору:

- Может, уехали куда?
- Вчера они были дома.

- А сегодня?
- Я не видела их с утра.
- Прошу вас, передайте, пожалуйста, Талихе, что заходила Адиля.

Талиха прошла на кухню, откуда через окно проводила подругу взглядом. Ей стало совестно перед самой собой. Она была готова провалиться сквозь землю. Но вспомнила вдруг, что гостью нечем было угостить. Нашла, называется, себе оправдание! А было ведь время - ни дня без гостей.

Она утерла тыльной стороной ладони наворачнувшуюся слезу. В груди кольнуло, будто ужалила змея. Надо занять себя чем-нибудь, не то яд разольется в убивающую боль. Приготовить обед... Начала чистить картошку. Тонко, очень тонко снимала она кожуру с картофеля. Приходилось быть экономной. Прежде она не была такой, на килограмм картошки у нее выходило с полкило отходов. Правда, в то время всего было вдоволь, нужды не было ни в чем. Конечно, не в роскоши жили, но и не бедствовали. Денег хватало и на пропитание и на одежду, и даже на то, чтобы всей семьей выезжать на отдых.

Снова в дверь позвонили. Она бесшумно приблизилась к ней и взглянула через окуляр. За дверью стояла женщина и причитала: "Во имя Бога, подайте, да минуют вас все беды". Талиху удивило, что та была еще молода, не старше 40 лет. "Что же ты побираешься в свои то годы? Думаешь, в масле все катаются? Чем просить подаяние, шла бы лучше работать", - обратилась к ней в сердцах Талиха. А после подумала: "Хотя, так ли легко найти работу?"

Побирушка настойчиво нажимала на звонок и, наконец поняв, что ей не откроют, стукнула по двери ногой и последовала на следующий этаж.

А теперь Талиха догадалась, что звонит Айтен. Так прерывисто звонила только она. Талиха открыла дверь и расцеловала дочь в разругавшиеся от холода щеки:

- Не проголодалась?
- А что есть покушать?
- Картошку я пожарила.
- Ой, как хорошо!

Талиха нарезала хлеб, достала соленых огурцов и выложила в тарелку жареной картошки. Она с удовольствием смотрела, с каким аппетитом ест Айтен.

- Ой, как вкусно, - смаковала дочь поджаренные ломтики картошки, - на маргарине?

Мать кивнула в ответ, и Айтен, которая всем и всегда была довольна, сказала:

- Маргарин как раз для картошки и создан.

Талиха вновь ощутила глубокую горечь. Вот уже больше года она не готовила на сливочном масле, используя маргарин и подсолнечное масло. Многие блюда утратили из-за этого всякий вкус.

- Ой, чуть не забыла, - Айтен вскочила с места и вернулась с деньгами в руке, - это тетя Амина передала, здесь 40 манатов.

- Да, - сказала виновато Талиха, - я сдавала ей на реализацию вазу для цветов.

Дочь сделала вид, будто не заметила ее смущения.

- Схожу на базар, - сказала Талиха, - нужно продуктов накупить.

* * *

На базаре было многолюдно. Покупатели толкались в узких проходах между прилавками, цепляясь корзинами, сетками. В этой толчее внимание Талихи привлекли две старухи в поношенных платьях. Они следовали друг за дружкой между рядами. Первая подходила к прилавкам с выложенными на них фруктами, капустой, картофелем, луком, свеклой, начинала торговаться с продавцами и будто случайно роняла по несколько яблок и груш, картофелин или пучок укропа, а

вторая подбирала их и забрасывала в свою старую сумку. Вскоре старухи вышли за ворота базара. Помогая друг другу, несли отяжелевшую корзину. Шли, явно стыдясь, пряча лица в черных шалях.

Талиха не любила отовариваться на базаре. Этим всегда занимался Талех. Теперь же она была вынуждена взять приобретение продуктов в свои руки - муж всякий раз, не задумываясь, брал самое лучшее и дорогое. Талиха же, как и большинство женщин, не считала зазорным торговаться с продавцами до последнего. Только так и можно было сэкономить хоть что-то в куцем семейном бюджете. Вот и сейчас она обходила прилавки, спрашивая цены. Выяснив, где что подешевле, купила четыре килограмма картофеля, по килограмму лука и сладкой грушевидной тыквы - бораны. В магазине поблизости она добавила к своим покупкам по килограмму риса и сахара, полкило сливочного масла. Вот и все расходы. Остались деньги и на хлеб.

Лицо у нее было хмурое. Ее мучил стыд, стыд за тех двух старушек на базаре, за себя и свою семью, оказавшуюся в бедственном положении. Она чувствовала себя униженной, оскорбленной.

Шла Талиха медленно, не спеша. Давно ей не приходилось бывать в этой части города. Здесь, на людных улицах, легко можно было уловить атмосферу повседневных забот, пульс жизни Баку. Она вглядывалась в лица встречных, пытаясь вникнуть в их заботы и тревоги, во внутренний мир. Это было конечно, интересно, но и утомительно. Серыми казались озабоченные лица людей. В серых тонах представлялось и все вокруг. "Может быть, таково мое восприятие?" - подумала она. Действительно, не все лица были серыми. Мимо проходили и очень хорошо одетые мужчины, сытые и довольные, разнаряженные женщины. Но это были только единицы. Они резко выделялись в толпе - яркие пятна, что режут глаз.

Бывший социалистический город уверенно вступал в ло-

но капитализма. На каждом углу поджидали нищенствующие с протянутой рукой - дети и взрослые. Обедневший люд проходил мимо витрин магазинов, не смея заглянуть вовнутрь, где прилавки ломились от дорогого изобилия.

Талиха дошла до тихого уголка за рынком, где всегда любила прогуливаться, любуясь на утопающие в зелени дворики финских домиков. Здесь она давно уже не бывала, и поэтому ее потрясли резкие перемены вокруг. Вместо увитых плющом дворовых оград с калитками выросли заборы каменной кладки с широкими и глухими металлическими воротами. Талиха не верила глазам - над заборами высились особняки причудливых архитектурных форм - двухэтажки, трехэтажки, четырехэтажки. Не осталось и следа от маленьких домиков под красными черепицами чердаков, аккуратных двориков с цветущими садами, от всего, что так нравилось Талихе. А от новых особняков веяло ледяным холодом. Это тоже было приметой капитализма. Город уже формировался по-новому. Добротные дома в его центре приобретали те, кто сумел нажить капитал. А бедный люд переселялся на окраины. Похоже, что это устраивало обе стороны. Первые, продав свои квартиры, покупали жилье подешевле, а на оставшиеся деньги заделывали прорехи в бюджете. Вторые же сразу приступали к престижному ремонту в приобретенных квартирах, приноравливая ко вкусам и пристрастиям избранных.

В некогда захламленных и сырых подвалах старинных зданий, где гнездились лишь крысы, да плодилось комарье, также произошли разительные перемены. В расположившейся здесь бары и рестораны теперь вели мраморные лестницы. Яркие вывески над ними, оформленные со вкусом, придали улицам непривычно нарядный вид. Радовали взгляд чистота и порядок на тротуарах близ новых заведений. Но вынесенные наружу меню - щиты на подставках говорили о том, что предлагаемые блюда не каждому по карману.

Темнело. Талиха удивилась тому, что дочери вместе с Ма-

рал дожидались ее во дворе.

- Что случилось? - спросила она встревоженно, забыв поздороваться.

- Ничего такого, - успокоила ее Марал, - к нам заходил англичанин, который арендует квартиру на шестом этаже. Он сказал, что его друг хочет приобрести или арендовать квартиру в нашем доме. Просил, чтобы я и с тобой переговорила.

Талиха была поражена. Накатило острой болью чувство собственной беспомощности и беззащитности. Никогда еще она не осознавала с такой остротой безнадежности того положения, в котором оказалась вместе с детьми и мужем. Ей был ненавистен этот иностранец, который мог позволить себе купить квартиру в любом уголке Баку. В любом, где захочет.

Из 18 квартир в блоке, где они проживали на первом этаже, почти половину арендовали иностранцы. Нужда вынуждала хозяев, ее коллег - журналистов сдавать свое жилье внаем. А себе они подбирали жилье на городских окраинах или же - в лучшем случае - перебирались к родителям. Те их встречали участливо: в тесноте, да не в обиде. Теперь дошла очередь и до Талихи.

- Я целых 15 лет ждала, чтобы получить квартиру. Ты представляешь себе - целых 15 лет! Это тебе не 15 месяцев, не 15 дней! В каждом году - 365 дней. Я считала не годы, не месяцы, а именно дни, пока не получила эту квартиру. Сколько лет Талех спал на полу, под столом, чтобы девочек не стеснять. Всего пять лет, как мы зажили по-людски. И вот новая напасть.

Голос у Талихи задрожал. Она умолкла - к горлу подступил комок. Только теперь заметила, какой у Марал потерянный вид. "Причем тут она? Что же ей выговаривать? Разве у нее положение лучше? Стоит ли винить ее в том, что поведала о предложении англичанина?"

Выражение лица у Талихи смягчилось, но она заявила с достаточной твердостью, что не намерена сдавать квартиру. А потом, как ни в чем не бывало, мягко завела беседу о том о сем, давая понять Марал, что вовсе не хотела ее обидеть.

Дома вновь накатила тоска: безысходность. Талиха незаметно прошла в спальню. Когда выходила оттуда, глаза у нее были заплаканные. Айтен внимательно взглянула на мать.

- Ма, ну что случилось? - спросила она. Спросила так ласково, что Талиха почувствовала нежную жалость к ней и в сердцах упрекнула себя: "Какая же ты мать? Не можешь детей прокормить, приодеть, хотя бы их улыбки своей не лишай. И днем и ночью предстаешь перед ними с хмурым лицом". Сделала вид, будто и вовсе не расстроена, но это вышло очень уж наигранно. Да, не так-то легко изобразить безоблачное настроение, когда на душе у тебя кошки скребутся. Но Талихе захотелось позабавить Айгюн и Айтен.

- Кто скажет без запинки: "Вы из интернационализованных?"

Девочкам это никак не удавалось. То они не могли договорить фразу до конца, то исказили ее невольной перестановкой звуков. Всех троих это смешило до слез. Потом заговорили о разных пустяках и снова заливались безудержным смехом даже по самому незначительному поводу.

Талех поздно вернулся с работы. У него отлегло на душе, когда увидел, что отчего-то просветлели лица у жены и детей. Но что-то за этим скрывалось - от его внимательного взгляда не ускользнула печаль в глазах у Талихи, скрывающаяся за беззаботностью, что так старила ее лицо.

А она все еще раздумывала над словами Марал. Предложение англичанина не на шутку ее встревожило. В эту зимнюю ночь в квартире, где уже не первый год не было отопления, ей было зябко не столько от холода, сколько от мыслей о бездушии иностранца. Он покушался на все ее мечты. Эта квартира стала для нее такой родной! Каждую комнату она обставила со вкусом, создала в них уют. Родственникам, друзьям так нравилось собираться у них. В гостеприимном доме все застолья любили завершать веселыми песнями и зажигательными танцами.

Когда они вселялись в этот дом, их ужаснула накопившаяся гора мусора перед дверью коммунального мусоропровода в их блоке. Как говорили, мусоропровод с самого начала был забит песком и щебнем, осколками кирпича - строители так и не убрали за собой весь мусор. Талех позаботился о вывозе сваленных бытовых отходов, а Талиха занялась озеленением очищенного участка. Теперь там разросся прекрасный садик с розовыми кустами и виноградной лозой, густо оплетающей тенистый навес. С поры весеннего цветенья и до золотого листопада этот садик радовал глаз. Талиха заботилась о каждом кустике как о родном чаде. Радовалась каждому раскрывшемуся цветку! Гордилась неимоверно тем, что сумела создать своими собственными руками небольшой островок природы.

Здесь уже сложился свой микромир - налетели певчие дрозды, льнули к цветам желтые пчелы, порхали бабочки над зеленью, ползали по стеблям жуки.

С начала весны они всей семьей любили проводить свободное время в садике. Чаепитие под зеленым навесом, благоухание роз... Как можно переселиться куда-то и оставить этот чудесный садик?

После ужина Талиха сообщила мужу о разговоре с Марал. Талех, не повел и бровью:

- Какой же дурак покинет насиженное место, чтобы переселиться, бог знает, куда.

Сказал, как будто заранее все окончательно решил.

* * *

- Мама, подойди сюда поскорей, дядя Гашим переезжает!
- крикнула Айтен.

Талиха, которая вошла в кухню, увидела в окно, что соседи грузят в машину мебель и домашний скарб. Сердце у нее сжалось. Растерянно-грустным был взгляд у девятилетнего сына Гашима. Мальчик стоял, неподвижно застыв подле гру-

зовика, в окружении притихших сверстников. Обычно их гвалт наполнял весь двор. А теперь они как-то понуро наблюдали за Гашимом и двумя мужчинами, которые грузили мебель. На балконах никого не было видно. Соседи, наверное, не хотели быть свидетелями печального зрелища или усугублять и без того безрадостное настроение переселенцев. Возможно, многие наблюдали за ними незаметно для них также, как и Талиха вместе с дочерью.

Когда несколько лет назад во двор въезжали груженные до верха машины, это вызывало всеобщую радость. Все высыпали на балконы и с нескрываемым интересом присматривались к новым соседям. Тогда положение было иное. Люди, годами ждавшие новоселья, получив наконец жилье, искали повода поделиться своей радостью с другими.

А теперь все изменилось. Нетрудно было понять чувства людей, покидавших свои обжитые квартиры. Иные уезжали навсегда. Оставшиеся, словно сговорившись между собой, не тревожили переселенцев лишними расспросами. Каждый думал, наверное, что завтра подобная участь может постигнуть и его самого. Никто не знал, куда переселяется Гашим вместе с семьей. Талиха помнила, что ее коллега решил сдать свою квартиру спустя восемь месяцев, как остался без работы. Он говорил ей, что на время переедет к родителям.

Талиха незаметно для Айтен прошла в спальню и, заперевшись там, бросилась на кровать. Заплакала в подушку. Она была сломлена ощущением своего бессилия. Осознав свою полную беспомощность, у нее уже не оставалось сил противиться, как прежде, жизненным неурядицам. Такова была горькая и жестокая истина. Талиха была вынуждена это признать.

Реальность была такова, что завтра ей не на что будет купить хлеб. Она привыкла всегда, в самых трудных и сложных обстоятельствах полагаться на собственные силы, находчивость и волю. Ей казалось, что и теперь найдется вы-

ход. Где-то он должен быть. Но где? Она в душе упрекнула Талеха, который, как ни в чем не бывало лежит на диване и смотрит телевизор. "Жаль, что я не мужчина, пошла бы камни таскать, чтобы семью прокормить", - подумалось ей. Потом начала настраивать себя: "Встань, возьми себя в руки, соберись с мыслями, пораскинь умом, ищи выход из положения. Ты не имеешь права сдаваться. Ты в ответе за своих дочерей. Ты не имеешь права проявлять перед ними слабость. Не все дается так легко, как хотелось бы. На Бога надейся, сам не плошай".

Видно, самовнушение возымело свое действие. Она встала и убрала постель. Придав своему лицу выражение беззаботности, вышла из спальни. Как раз в это время зазвонил телефон. По голосу узнала свою подругу Расиму. Та как бы между делом сообщила, что один из ее соседей собирает литературу по истории философии. Перечислила названия книг, которые он хотел бы купить. Она хорошо знала, что все они есть в домашней библиотеке у Талихи. Как знала и то, что подруга испытывает денежные затруднения.

- Сколько он за них предлагает? - спросила приглушенным голосом Талиха.

- Лучше я сведу вас, договоритесь сами.

- Мне не до того, чтобы торговаться, - ответила Талиха, - пусть приходит и забирает нужные книги.

После этого разговора у нее заныло сердце, как это бывает при расставании с дорогим человеком. Вспомнила, как приобретала эти книги в Москве. В аспирантуре они помогли ей сдать экзамены и написать научную работу. Правда, Талиха так и не защитила свою диссертацию. Охладела к ней из-за жизненных неурядиц, постигших ее в последние годы. Теперь эти книги как будто ей уже и не были нужны. Они только лишнее место занимали в шкафу. Но Талихе все же было тяжело с ними расставаться. Она очень любила читать. Еще со студенческих лет тратила на литературу каждую

лишнюю копейку. Тогда и начала их собирать. Покупала, прочитывала, училась по ним. Ей и в голову не приходило, что иные пользуются книгами просто как украшением в доме, или же выставляют ради престижа. Со временем с недоумением поняла, что именно так и поступают некоторые из ее знакомых.

Снова зазвонил телефон. Теперь звонил сосед Расимы. Он поинтересовался состоянием книг, которые собирался купить. Узнав про их сохранность, спросил у Талихи адрес и сказал, что будет через полчаса.

Приехал он даже раньше. Это был высокий, худощавый мужчина 57-60 лет. Почтительно поздоровавшись, начал просматривать книги, что уже были сложены стопкой на столе в гостиной. Он делал это бережно, аккуратно откладывая в сторону нужные экземпляры. В итоге их оказалось 13.

- Вот ваши 50 манатов, - мужчина положил деньги на стол.

- Что же так мало? Ведь это редкие и очень ценные издания. Да и Расима мне сказала, что вы согласны заплатить нормальную сумму.

- Ладно, могу добавить еще 4 маната, устраивает?

Талиха промолчала, она никогда не занималась торговлей. Поэтому ей трудно было продолжать разговор.

Талех стоял в стороне и только наблюдал за происходящим. Гость ушел. "Любая трудная проблема может быть решена", - подумала Талиха. Она облегченно вздохнула - 50 манатов помогут продержаться целый месяц.

* * *

Утром, когда Талиха причесывалась перед трюмо в спальне, в боковой створке увидела отражение мужа. Талех одевался, стоя подле кровати. Его длинные ноги до того исхудали, что казались еще длинней. У нее сжалось сердце - про Талеха можно было сказать: кожа да кости. Она давно уже перестала обращать на него внимание. Сейчас он всем своим обликом вызывал в ней

жалость. Лицо у него было обиженным, хмурым. "Похож на приемыша в чужой семье, лишенного материнской ласки."

Она продолжала наблюдать за ним краешком глаза. Когда, наконец, натянув свои брюки, он прошел умываться в ванную комнату, Талиха вышла из спальни и, бесшумно проследовав ко входной двери, тихо закрыла ее за собой.

Ей сегодня никого не хотелось видеть. Начинался новый период в ее жизни. Прощай жизнь, полная чувств, раздумий и тревожных переживаний. Отныне она станет бездушным, хладнокровным человеком, умеющим вести всему счет, шагающим в ногу со временем. "А творчество?" Талиху взбесило это слово, которое вдруг выплыло из подсознания. Она очень рассердилась на себя: "Чтобы ты иссохла! При чем тут творчество? Что это такое? Кому оно нужно? Можно подумать, что его можно намазать на хлеб, как масло. Может, его пьют вместо чая? Ха-ха-ха! Творчество... Тоже мне - творец... Что за смешное слово? Кто его, интересно, придумал?".

Она переменила ход своих мыслей: "Перейдем к делу. Наконец-то я имею работу, буду получать зарплату: 200 манатов - это не так уж и мало. Спасибо и за это, спасибо тысячу раз. Вот уже сколько месяцев ни одного маната не приносила в дом. Докажу, что умею работать. А не то, потеряю и эту работу".

При последней мысли ей стало немного не по себе. Какие только пороги она не обивала за последние месяцы в поисках заработка, в каких учреждениях не побывала. При одном воспоминании об этом у нее закружилась голова. "Хватит, не буду думать о плохом. За темною ночью обязательно следует светлый день".

Она остановилась перед наружной дверью добротного двухэтажного дома за каменной стеной. Нажала на кнопку звонка. Дверь открыла женщина в годах:

- Вы пришли? Ханым только что спрашивала про вас. По-

дождите, сейчас она вас примет.

У Талихи от волнения запершило в горле. Чтобы скрыть свои чувства, она прокашлялась и, пройдя в помещение, села в кресло.

Дом этот скорее напоминал замок - красивый и холодный замок. По ту сторону двухметровой каменной ограды дышала привычная для Талихи жизнь, героиней которой была и она сама. А по эту сторону начинался мир совершенно иной, казалось - недосыгаемый. Ханым, к которой она пришла на прием, была Симузар. Когда-то она работала корректором в редакции. Ее уволили - не справлялась со своими обязанностями. Ее муж, получивший только среднее образование, теперь владел в городе несколькими торговыми заведениями.

"А мне-то что?" - попыталась Талиха отогнать от себя грустные раздумья. Она вспомнила про своего соседа, одинокого пожилого профессора, который подрабатывал мытьем автомобиля коммерсанта, годившегося по возрасту ему во внуки. Вспомнила и про другого профессора, скончавшегося два года назад, стоявшего с протянутой рукой у станции метро. Сколько ее знакомых педагогов подались в прислуги к иностранцам. А вчера в какой-то газете ей на глаза попались горькие строки: "Пожилая женщина вдруг упала без чувств, переходя улицу. Она скончалась до прибытия "скорой помощи". По заключению эксперта, в течение недели до происшествия женщина не принимала никакой пищи".

Талиха должна была присматривать за пятилетним сыном Симузар и обучать мальчика русскому языку. Рабочее время - с 9 утра до 5 часов вечера.

Пять минут ожидания показались Талихе долгим часом. Наконец, распахнулась внутренняя дверь, и в зал вошла Симузар ведя за руку своего сына...

К вечеру Талиха чувствовала себя крайне разбитой и уставшей. Глянула на мелодично прозвеневшие красивые настенные часы: 17⁰⁰. Она попрощалась с хозяевами и уже нап-

равилась к выходу, когда Симузар протянула ей два бумажных кулька с мусором:

- Вынеси это.

Талиху возмутил ее приказной тон. Если бы эта смуглая ханым обратилась к ней повежливей, возможно, она бы и не почувствовала себя оскорбленной. А та приказала, будто желала напомнить: знай, что тебе платят, при надобности и прислугою будешь!

Талихе показалось, что от унижения она стала меньше ростом, потеряла голос, обрела жалкий вид. Будто это была не она вовсе, а какая-то другая Талиха. Собственный облик, осанка, походка, манера говорить показались ей жалкими, как у бесчувственной и бездумной заводной куклы.

Она взяла кульки и вышла. Бросив их на свалку в конце улочки, усталым и тяжелым шагом направилась к автобусной остановке. Впервые почувствовала свой преклонный возраст.

Талех стоял на противоположной стороне улицы и наблюдал, как его жена, автор десятков книг, вышла из чужого дома с полными мусора кульками и бросила их на свалку. Горло сдавило подступившим комом. Чтобы не заплакать на людях, он поспешил в расположенный поблизости сквер. Уединился в тихом уголке, где присел на скамейку, обхватив голову руками: свою гордую, никогда не ронявшую достоинства Талиху он сегодня увидел такой потерянной, беспомощной и беззащитной, такой униженной и жалкой... Талех отдал бы многое, лишь бы не были правдой мгновенья, которые он только что пережил. Чтобы эти мгновенья оказались не более чем дурным сном.

* * *

Вот уже около трех месяцев Талех каждый день задерживался где-то допоздна. Приходил с озабоченным лицом. Возвращаясь домой, по обыкновению, ложился на диване в гостиной и смотрел телевизор. Ничего ни у кого не просил и,

если ему подавали ужин, ел и там же засыпал. Талиху злил этот странный образ жизни. Правда, недовольства своего она не выражала. Казалось, что ей не изменяют выдержка, терпение и спокойствие.

На свой вопрос Талеху о том, где он задержался, она получала неизменный ответ: на работе. Изо дня в день один и тот же вопрос - один и тот же ответ. Талиха подавляла свою злость, не позволяла себе лишних слов и действий при дочерях. А Талех будто и не замечал состояния жены. Собственно, больше всего ее злило его безразличие и равнодушие.

В последнее время что-то разъединяло их, отдаляло друг от друга. Какая-то неведомая сила порождала между ними отчужденность и холод. Оба чувствовали, что скатываются куда-то в незримую пропасть. И он, и она дома старались казаться занятыми. Но Талиха знала, что муж просто разгадывает кроссворды, а Талеху было ясно, что жена только придумывала для себя лишний повод задержаться на кухне и в ванной. При этом они вели себя так, будто нет на свете ничего важнее этих их занятий. Притворяясь увлеченными своими делами, они пытались скрыть друг от друга, что главное для каждого из них - преодолеть гложащую сердце печаль. Он полагал, что ему удастся вводить жену в заблуждение. Ей же казалось, наоборот, что легко убеждает мужа в своей занятости. А если это так, то о какой печали речь?

Так они и жили, будто два чужих человека. Талихе порой казалось, что мужу вообще не до нее, она не интересуется его как женщина. Он очень изменился, чего нельзя было не увидеть, не почувствовать. За эти три месяца после того, как начал работать главным специалистом в каком-то проектно-институте, он стал другим, чужим. Каждую ночь засыпал на диване перед телевизором, порой даже утро встречал так и не раздевшись.

День за днем все больше Талиха копила злобу на мужа. Сотни раз на дню в ее сердце ядовитой змеей взметалась

ревность. Она не находила себе места. "Видно, есть у него кто-то, с кем он проводит время, а не то не был бы таким холодным и бесчувственным", - думала Талиха. "Может, проследить за ним?" - за много лет совместной жизни ей впервые пришла в голову такая мысль. Правда, до сих пор между ними ни разу не возникало недовольства друг другом. Они жили в мире и согласии, без особых тревожений, разрушительных для чувств. А теперь Талиху мучило, изматывало, доводило до изнеможения собственное недоверие. Невыносимое, неодолимое, жестокое недоверие к мужу.

"Прослежу, узнаю, кто в этом возрасте доводит его до такой усталости?" - подумала она. И тут же задалась вопросом: "А что потом?" Болью пронизало все ее существо. У нее темнело в глазах, как только представляла, что у ее мужа есть близость с другой женщиной. Лучше бы ей оставаться в плену сомнений, чем узнать правду.

* * *

Когда Талех рано утром вышел из дому, Талиха незаметно для него увязалась за ним. Нужно было держаться на таком расстоянии, чтобы не терять его из виду и при случае увернуться от его взгляда.

Он сел в автобус. Талиха остановила такси:

- Двигайтесь за тем автобусом. На каждой остановке будете пережидать, пока он не тронется с места.

Талех сошел с автобуса у морского вокзала и направился к собравшимся в кучу мужчинам. Талиха сразу узнала этот "пятачок", называемый в народе "гул базары" - рынок рабов. Каждый раз, проезжая здесь, она с болью в сердце оглядывалась на мужчин, которые целыми днями выжидали случайных заказчиков на черновую работу. Вдруг ее бросило в дрожь, будто от холода. Она увидела, что Талех одет в старый поношенный костюм.

- Чуть подальше, пожалуйста, остановите, - сказала она

водителю, с трудом удерживая подступившие слезы. Пока автомобиль замедлял скорость, она с горечью смотрела через боковое стекло на Талеха: исхудавшее до неузнаваемости лицо с резко выступающими скулами терзало ей душу.

К "пятакчу" подкатил новенький "Форд". Лихо притормозивший водитель открыл дверцу и крикнул:

- Мне нужны двое рабочих.

Мужчины побежали на зов. Был среди них и Талех.

* * *

Перед домом стоял грузовик. Переселялись - не избежала горькой участи и Талехова семья. Переселялись, но куда, зачем? Этих вопросов никто давно уже не задавал. Собственно, в них и надобности не было - ответ был известен.

- Ничего не забыли? - обратился Талех к жене и дочерям, которые печально застыли в опустевшей гостиной. Они были в таком состоянии, что ни ответить, ни двинуться с места не могли.

Зазвонил телефон. Трубку поднимать никому не хотелось. Телефон зазвонил еще раз - теперь уже настойчиво и протяжно. Талиха нехотя взяла трубку. "Да", "нет", - отвечала она еле слышным голосом и вдруг заговорила встревоженно:

- Что? Что вы сказали? Не может быть!

Ее волнение передалось и Талеху, и дочерям. Они смотрели на ее побледневшее лицо, не смея спросить, кто и почему звонил. Талиха сквозь слезы промолвила:

- Талех, это звонили из Лондона. Твой проект удостоен "Гран-при". Тебя приглашают на вручение премии.

Талех пребывал в состоянии шока, осознавая, что сумма премии достаточно внушительна даже для тех, кто не в чем не нуждался. В ушах у него все звучали и звучали слова отца: "Сын мой, труд никогда не пропадает даром". А Талиха с дочерьми стояли, прижавшись друг к другу, словно вместе хотели насладиться большой радостью, по которой так давно

истосковались их измученные сердца.

В глазах у всех четверых и даже в их слезах искорками радости зажглось сияние заглянувшего в окно предполуденного солнца. Казалось, это начала искриться сама печаль, светлая печаль, что так давно уже застилала туманом весь мир перед ними. На улице разгорался солнечный день. Наступала весна.

1995 г.